

Борис Иванов:

“ЕСЛИ ТОЛКОВО ЖИТЬ, ТО НА ПЕЧАЛИ НЕТ ВРЕМЕНИ!”

Тр 48. - 1998. - 3 марта. - С. 4.

Вот уже более полувека Борис Владимирович Иванов работает в Театре имени Моссовета. Он снялся в сотне фильмов, записал три с половиной тысячи телевизионных передач, прочитал на радио около сорока тысяч страниц художественного текста. В свои 78 лет Борис Иванов почти каждый вечер выходит на сцену Театра имени Моссовета, который моложе его на три года.

— Борис Владимирович, вы ощущаете, что ваш роман с театром это целая эпоха?

— 55 лет в одном театре... Я не могу сказать, что это так долго и мне надоело. Нет, никогда! Я люблю ходить в свой театр. Мне есть что “подчищать” в спектаклях, потому что могу сделать еще лучше. Это, конечно, похоже на идиотизм: ведь в мои годы уже не принято так мучиться. Но я люблю быть учеником и люблю учиться театру. Ведь мое знакомство с этим загадочным явлением произошло очень рано...

Я из Одессы. Однажды девушка (которая была в опере хористкой) подарила мне контрамарку в Одесский оперный театр. Скоро я понял, что мне нравится ходить в театр. Там я познакомился с ребятами, которые пристроили меня в тринадцать лет в статисты оперного театра. Так что желания получить другую профессию у меня как-то и не возникло. К старости становишься зловредным и злым, но мне почему-то жалко сегодняшних молодых людей, увлеченных только голами, очками и секундами. А мы бегали из своих гримерок вниз к ноте “си бемоль” и “си”, которые пел тенор. Так до 37-го года. Я окончил театральное училище 22 июня 1941 года, и меня оставляли в драматическом театре, но началась война, и я ушел на фронт. Дальше, как у всех, — фронт, ранение, госпиталь. Я умирал... но в результате выжил.

— Меняются времена, происходит смена поколений. Вы — артист и чувствуете такие явления тоньше, глубже. Какие перемены для вас особенно болезненны?

— Счастлив, что не заражен болезнью, которой сегодня страдают почти все, кто попадает в театр, на эстраду, телевидение, радио. Каждый день и от всех кому не лень слышу кошмарную фразу: “Я в своем творчестве...”. В театре Моссовета я знал великих артистов нашего времени и никогда не слышал от Любови Орловой или Юрия Завадского, от Веры Марецкой или от Мордвинова, от Фаины Раневской, с которой я проработал десятки лет, или от Ростислава Плятта, с которым проработал почти пятьдесят лет, эти чудовищные слова: “Я в своем творчестве!”. А сейчас любой недочет, который “чешет” свою гитару, повторяет их постоянно и без всякого стеснения. Совсем недавно на одной из встреч меня спросили: что вы делаете после спектакля? Я ответил: “Ну что? Вино, женщины, наркотики!...” Они долго смеялись. После спектакля я продолжаю работать... Я много лет играл с Георгием Тараторкиным спектакль по роману Достоевского “Преступ-

ление и наказание”. Он — Раскольников, я — Порфирий. После спектакля мы всегда оставались и разбирали: что не получилось, а что удалось. Сейчас один из моих любимых спектаклей это “Цена” Артура Миллера в постановке Б. Щедрина.

— В Театре Моссовета приходят молодые актеры. Они действительно чем-то отличаются от вашего поколения?

— Отличаются. Иногда мне бывает страшно, когда в такой театр, как Театр имени Моссовета, приходят вроде бы есть все данные, чтобы стать хорошими исполнителями, но отсутствует одно — профессия. Молодые часто показывают мне фотографии с кинопроб. Смотрю и вижу: все позы принимает, будто она или он — это чайник красивый, а глаза везде одинаковые. Вот в чем беда... Как это может быть? Потому что дурак или дурочка? Нет! Потому что их не научили ремеслу. В театре слово “ремесло” считается позорным. А между тем ничего ругательного здесь нет. Ведь ремесло — это набор простых, но очень важных умений, которыми надо хорошо пользоваться, и тогда они подготовят почву для вдохновения. Как любил повторять Юрий Александрович Завадский пушкинское: “Когда слова рождает не память рабская, но чувства...”. Но на это надо тратить время, силы, а не приходиться на репетицию абсолютно пустым, пыхтеть и не знать, чего ты хочешь.

У нас в театре я имел честь работать с Фаиной Георгиевной Раневской и с Ростиславом Яновичем Пляттом в драме “Дальше — тишина...”. В зале — слезы, мокрые платки и изредка тихие “спасибо...”, “спасибо...”. Такой театр я люблю. Я не против песен и танцев, но актеры должны принести в любое действие что-то свое, личное. Так было с рок-оперой “Иисус Христос — суперзвезда” в постановке художественного руководителя театра Павла Хомского, когда группа молодых людей задумала сыграть историю об Иисусе. И это замечательно получилось. Я с удовольствием принимаю участие в этой работе! Здесь есть и увлеченность, и чистота молодости, и наивность, и свое представление о том, кто прав, а кто виноват. Театру надо учить! Как и всем другим искусствам. Был в истории живописи Павел Петрович Чистяков, Сам по себе не бог весть какой художник, но он воспитал почти всех великих художников XIX века.

— Судьба артиста и судьба театра, в котором он работает, связаны неразрывно. В вашей жизни и в жизни Театра Моссовета бывали времена, когда особенно трудно работало?

— Плохо не работать. Это вам скажет любой актер. Плохие времена надо переждать, перестать нервничать, успокоиться, и момент непонимания обязательно пройдет.

А для театра Моссовета сложными были те годы, когда приходилось отстаивать право играть хорошую драматургию. О Завадском много говорят и разное. Да, у нас шли пьесы Софронова, но потом мы играли Ибсена и Достоевского. Сейчас модно говорить: “Мы — шестидесятники!” Полноте, ребята. Сидеть на кухне, пить водку и шептаться о том, что происходит, — это не шестидесятничество, если уж угодно употребить такой термин. Шестидесятники гнили в тюрьмах, их выгоняли из страны...

— Сейчас стало распространенным явлением, когда заслуженные актеры, прослужившие в одном театре не одно десятилетие, уходят в антрепризы. Вы никогда не думали оставить театр имени Моссовета?

— Никогда... Есть такая притча: если ты мой друг, значит, ты мне обязан. Нет. Ты мой друг, значит, я тебе обязан. Этот театр — моя жизнь. Я даже не могу не то что уйти, а просто не прийти в театр, даже по уважительной причине. Совсем недавно я очень плохо себя чувствовал, а в театре в этот день была шумная премьера, спектакль “Милый друг” нашего молодого режиссера Андрея Житинкина. Народу — тьма, дорогие билеты, а я еле дышу. Можно позволить и сказать, что я болен. Никто меня проверять не будет, но я подведу своих коллег, друзей, своего режиссера, с которым мы уже сделали два спектакля и собираемся работать дальше. Значит, надо превозмочь боль и выйти на сцену. Ты обязан людям, у которых учишься, несмотря на то что они моложе. Житинкин — мой режиссер, он дал мне новую краску, как же я могу подвести и человека, и весь театр! И потом. Я страшно люблю работать.

В мои годы уже многое потеряно, но и многое приобретено. Если толково жить, то на печали нет времени. Конечно, лето лучше, чем осень... Но что же делать. Такова жизнь...

Беседу вела
Жанна ФИЛАТОВА.